

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-64-79
EDN: OEQTUI

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)

Синица А.Л.

МГУ имени М. В. Ломоносова
(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)

E-mail: sinita@econ.msu.ru

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова.

Для цитирования:

Синица А.Л. Образовательная миграция и миграционная привлекательность регионов России (на примере начального и среднего профессионального образования) // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 64-79. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-64-79; EDN: OEQTUI

Аннотация. *Пространственное неравенство остаётся одной из ключевых проблем российского общества. В статье данная проблема рассматривается через призму образовательной миграции выпускников девятых классов, поступающих в систему начального и среднего профессионального образования. Показано, что для адекватного понимания миграций необходимо учитывать как физическое, так и социальное пространство. В качестве методологической основы используется подход П. Бурдье, в рамках которого социальное неравенство интерпретируется как борьба за символический капитал, определяющий положение индивида в обществе. Такая борьба реализуется в форме пространственной мобильности, сочетающей перемещение в физическом и социальном измерениях. В исследовании концепция символического капитала дополнена концепцией миграционной привлекательности, что позволило сопоставить входящие и исходящие потоки и оценить влияние образовательной миграции на динамику численности населения. Эмпирическую базу составили данные мониторинга качества подготовки кадров, на основе которых были выделены кластеры регионов по числу образовательных мигрантов, а также по значениям коэффициентов результативности и эффективности миграции. Установлено, что миграционные потоки направлены из регионов с низкой концентрацией символического капитала — преимущественно территорий Севера, Дальнего Востока и Северного Кавказа — в регионы с более высокой его плотностью, главным образом в регионы Центра и Приволжья с относительно развитой экономикой. В наименее привлекательных регионах отток молодёжи в 7 и более раз превышает приток, тогда как ощутимые преимущества от образовательной миграции получает не более пятой части регионов страны.*

Ключевые слова: образовательная миграция, символический капитал, миграционная привлекательность, начальное и среднее профессиональное образование, регионы России.

Введение

Человек обладает биологической и социальной природой¹, что определяет двойственный характер всех процессов с его участием. Однако в отличие от большинства из них (покупка товара, обучение, вступление в брак, лечение, получение услуги в МФЦ, добыча полезных ископаемых и их обработка и прочих) миграция имеет важную особенность. Она предполагает одновременно и физическое, и социальное движение человека. Поэтому её причины и последствия следует анализировать через призму взаимодействия природы человека и пространства. В качестве иллюстрации можно обратиться к образовательной миграции. Хотя данное явление затрагивает сравнительно небольшую долю населения, его значение для перераспределительных процессов и эволюции социумов велико [1–3]. Оно трансформирует как количественные, так и качественные характеристики принимающего и отдающего населения [1; 2], способствует появлению ранее несвойственных для некоторой местности социальных норм и практик [3; 4], выступает источником экономического роста и важным фактором территориального развития [1–2]. Кроме того, образовательная миграция может рассматриваться как индикатор качества и уровня жизни в пространстве старта и окончания миграционного маршрута [1; 2]. Влияние данного процесса охватывает практически все сферы жизни как в рамках международной, так и внутренней миграции.

Несмотря на значительный объём исследований, посвящённых миграции, ряд аспектов остаётся недостаточно изученным. В настоящей статье рассматриваются два из них: уточнение теоретических основ миграции и оценка миграционной привлекательности российских регионов при поступлении в образовательные организации начального и среднего профессионального образования (далее — НиСПО). В условиях текущих социальных транс-

формаций оба направления анализа приобретают особую актуальность.

Концептуальные основы миграции

В каком пространстве и по каким законам перемещается человек? Любое пространство представляет собой, прежде всего, систему координат, позволяющую упорядочивать и классифицировать наблюдаемые явления. Соответственно, определить положение объекта в нём означает определить его положение относительно реперных точек, которые задаёт исследователь в соответствии со своими целями и задачами. Очевидно, что для понимания общественных явлений одного лишь географического пространства (пространства физических объектов) недостаточно. Его необходимо дополнять пространством социальных связей между людьми и явлениями, которое порождают сами люди. Физическое и социальное пространства взаимосвязаны и совместно участвуют в конструировании социальных отношений, поэтому значимы оба.

Иерархичность, многомерность и наличие потенциально измеряемого расстояния между объектами являются их основными общими чертами. Как и физическое пространство, социальное иерархически упорядочено: если в первом случае можно говорить, например, об отношениях «центр-периферия», более или менее благоприятном климате и плотности населения, то во втором — о социальных позициях акторов и порождаемых их статусами отношениях. Оба пространства являются многомерными, но социальное пространство имеет более высокую размерность, поскольку требует учёта более широкого набора значимых параметров.

С появлением пространства появляется и понятие расстояния между объектами. Меры расстояния (часы² и метры) в физическом пространстве всем известны, поэтому нет смысла говорить о них. Социальное пространство в этом отношении более ин-

¹ Можно говорить и о духовной природе, но темы статьи этот аспект не касается.

² В речи постоянно встречаются конструкции «я дойду за час, а тебе понадобится не менее полутора» и подобные.

интересно. В нём расстояние (социальная дистанция) определяется через сходство или расхождение в положении людей и измеряется на основе упорядоченной структуры их социальных позиций [5], а раз есть позиции, то социальные изменения можно описывать в терминах движения [6] в вертикальной и горизонтальной плоскостях. При этом географическая близость или удалённость объектов не имеет существенного значения [7]. Измерение социального расстояния (совокупности связей между индивидом или группой индивидов и прочими объектами в социальном пространстве) позволяет дифференцировать общество на классы, поскольку социальное расслоение — фундаментальное свойство социального пространства [7]. Данное расслоение реализуется в неравномерном распределении власти над совокупностью полей, составляющих социальное пространство, что означает неравенство во владении различными видами капитала: экономическим (материальные ресурсы и собственность), культурным (знания, престиж, профессия, ценности), социальным (происхождение и сеть связей) и символическим, который представляет собой конечное воплощение трёх предыдущих форм капитала и при необходимости может конвертироваться в каждый из них [8].

Образовательная миграция как следствие неравенства в обладании символическим капиталом

Социальная позиция индивида или группы определяется объёмом и структурой принадлежащего им символического капитала, поэтому для получения доступа к подпространству более высокого статуса необходимо увеличение его количества, качества или изменение его структуры путём борьбы на индивидуальном и коллективном уровнях. На индивидуальном уровне такая борьба принимает форму пространственной мобильности [8]. В этой связи традиционное определение миграции как перемещения людей через границы административно-территориальных

единиц, в том числе со сменой постоянного места жительства на некоторый период времени³ оказывается недостаточным, поскольку фиксирует лишь физический аспект процесса, игнорируя его социальное содержание. Более адекватным представляется подход, трактующий миграцию как процесс пространственного перераспределения агентов или их групп, за счёт этого стремящихся к увеличению объёма принадлежащего им символического капитала или изменению его структуры [9, с. 389–390], что позволяет учитывать её двойственную — физическую и социальную — природу.

На новое место жительства переезжают зачастую не наименее обеспеченные группы населения, которым объективно нечего терять, а те, кто не просто стремится улучшить своё социальное положение, но и обладает необходимыми для этого ресурсами. Такие индивиды пытаются избавиться от капитала, который, по их мнению, имеет низкое качество: проживания в непрестижных населённых пунктах со слабой инфраструктурой, низким уровнем безопасности и высокой безработицей, низкого уровня образования, а также включённости в социальные сети низкого статуса. В этих условиях пространственная мобильность становится для них способом повышения уровня и качества жизни, поскольку имеющийся символический капитал не позволяет получить им доступ к дефицитным ресурсам на текущей территории. Иначе говоря, они не могут двигаться вверх в пространстве социального без перемещения в пространстве физическом. Для тех же, кто остаётся, перечисленные характеристики могут не восприниматься как недостатки либо вследствие глубокой укоренённости в локальных сетях, либо благодаря наличию достаточного объёма символического капитала, обеспечивающего доступ к ресурсам и закрепляющего их положение в верхних слоях местного общества.

Образовательная миграция во многом обусловлена дефицитом культурного и социального компонентов символическо-

³ Миграция населения // Демографическая энциклопедия. — Москва : Издательство «Энциклопедия», 2013. — С. 463–468.

го капитала: низким качеством образования, ограниченным числом мест в образовательных организациях, трудностями поступления при недостатке социального капитала, а также несоответствием структуры подготовки кадров потребностям экономики. Показательными примерами выступают республики Северного Кавказа и Республика Тыва — аграрно-ориентированные регионы с молодой возрастной структурой населения и относительно слабым уровнем развитием системы образования. В первом случае несмотря на чётко выраженную экономическую специализацию регионов по числу поступивших в организации НиСПО лидируют такие специальности как сестринское дело, фармация, клиническая медицина, юриспруденция, информатика и вычислительная техника, экономика и управление, тогда как сельское хозяйство и лесное дело преимущественно занимают места во втором десятке. То же самое верно и для прикладной геологии, горного дела и геодезии, которые могли бы играть более значимую роль в экономике республик Кавказа, особенно если учитывать их природный ландшафт, но по числу поступающих уступают даже сельскому хозяйству. Вероятно, в соответствии с подходом Т.Веблена [10], здесь можно говорить о противостоянии героической и престижной деятельности в медицине, управлении и сфере информации с тяжёлым монотонным трудом в сельском хозяйстве, имеющим низкий статус. Нехватка мест в системе НиСПО в целом, накладывающаяся на нехватку мест по престижным специальностям, ведёт к тому, что для получения НиСПО республики Северного Кавказа ежегодно покидает 10–20% выпускников девятых классов.

Вместе с тем, наряду с масштабной выездной образовательной миграцией, в этих регионах существует и противоположная стратегия поведения. Наличие сравнительно высокооплачиваемых рабочих мест в сельском хозяйстве и некоторых других отраслях побуждает часть молодёжи сознательно ограничиваться девятью классами образования. В этом случае приоритет отдаётся социальному и экономическо-

му компонентам символического капитала, которые воспринимаются как более значимые для практической жизни по сравнению с культурным. [11, с. 149, 151]. В регионах Северного Кавказа наблюдается дефицит мест в организациях НиСПО, что выступает одной из причин их низкой привлекательности для входящих образовательных мигрантов. Однако для Республики Тыва проблема нехватки мест ещё более значима [12]. Здесь дисбаланс структуры подготовки кадров играет меньшую роль, поскольку сельскохозяйственные направления остаются востребованными, но общий дефицит мест в организациях НиСПО настолько сильный, что по данным мониторинга подготовки кадров за последние 2 года в них не поступил ни один абитуриент из-за пределов республики. В итоге это единственный регион страны, в котором образовательная миграция для получения НиСПО носит строго односторонний (выездной) характер.

В приведённых примерах отток молодёжи обусловлен ограниченными возможностями накопления культурного капитала и недостаточным уровнем социального капитала, прежде всего в части доступа к эффективным социальным связям. При этом именно социальный капитал играет особую роль: в условиях дефицита мест в образовательных организациях и распространённости неформальных практик социальные связи не гарантируют ни поступления на желаемую специальность, ни даже зачисления в принципе. В такой ситуации продвижение в социальном пространстве становится возможным лишь при одновременном перемещении в физическом пространстве за пределы региона проживания. Именно поэтому образовательные мигранты нередко стремятся отказаться от локального социального капитала, обладающего ограниченной применимостью. Действительно, большинство форм экономического капитала ликвидны и могут быть использованы или обменены почти в любом месте проживания, пусть и с определёнными потерями. Культурный капитал, напротив, в значительной степени неотчуждаем и неотделим от носителя. В то же время

социальный капитал во многом носит локальный характер и после переезда, особенно на значительные расстояния, зачастую утрачивает свою ценность. Вот почему представляется обоснованным разделение символического капитала на абсолютный (номинальный) и относительный (реальный), на исходный и приобретённый [9].

Тем не менее отдельные формы социального капитала сохраняют высокую значимость для образовательных мигрантов, большинство из которых являются молодыми людьми и для которых переезд становится первым шагом к самостоятельной жизни. Прежде всего речь идёт о социальном капитале, формируемом в социальном пространстве семьи. Молодёжь по своей природе отличается высокой мобильностью, а образовательная миграция выступает важным фактором взросления и приобретения навыков самостоятельного проживания. Отрыв от семьи для человека, по современным меркам — ребёнка, непростое испытание, но научно-технический прогресс позволяет смягчить пространственное разъединение.

Современность называется специалистами эпохой миграции. Крупные перемещения людей в физическом пространстве случались и ранее, но отличие современного этапа заключается в беспрецедентном развитии Интернета и последовавшей цифровой революции [13], которая упростила связь между удалёнными населёнными пунктами. Подобная «деформация» физического пространства привела к расширению границ поселений в пространстве социальном [6]. Благодаря ИКТ находящиеся в разных географических точках члены семьи сохраняют социальные отношения и взаимные связи, что позволяет поддерживать целостность социального взаимодействия. В то же время средства связи не способны полностью преодолеть физическую разобщённость. На практике сохранение близости нередко обеспечивается последующим переездом всей семьи к месту обучения ребёнка [14; 15], что, однако, сопровождается утратой части социального капитала уже на уровне семьи в целом. Та-

кая стратегия характерна прежде всего для поступающих в вузы и мигрирующих из малых и средних городов в крупные центры.

В системе НиСПО ситуация иная: значительная доля обучающихся происходит из сельской местности, при этом профессиональные компетенции их родителей не всегда востребованы в городах, что ограничивает семейную мобильность. Впрочем, как будет показано ниже, большинство студентов обучается в пределах родного или соседних регионов и сохраняют возможность регулярных физических встреч с семьёй.

Миграционная привлекательность регионов России для получения НиСПО

Для анализа миграционной привлекательности целесообразно обратиться к идеям Г. Зиммеля⁴, впоследствии развитым Р. Парком, о символическом доминировании крупных городов над другими территориями [6]. Если социальные границы города выходят за пределы его географических границ, то аналогичное рассуждение применимо и к регионам, особенно в российских условиях выраженной территориальной неоднородности. В этом контексте физическое расстояние можно интерпретировать в терминах социальной дистанции, например, как стремление индивидов из регионов с менее развитой системой НиСПО повысить свой социальный статус через перемещение в более благоприятные с этой точки зрения регионы.

В научной литературе представлены разные подходы к миграционной привлекательности, однако в обобщённом виде можно выделить три её типа: выявленную, воспринимаемую и реальную [16]. Выявленная привлекательность определяется на основе фактических входящих и исходящих миграционных потоков. Воспринимаемая привлекательность отражает субъективные оценки территории её населением и потенциальными мигрантами. Реальная привлекательность, в свою очередь, рассчи-

⁴ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. — 2002. — № 3. — С. 1–12.

тывается на основе широкой совокупности социально-экономических показателей, выбор которых зависит от исследовательских задач. Выявленная привлекательность позволяет оценить степень реализации миграционных намерений в конкретных социально-экономических условиях, что делает данный подход наиболее релевантным для целей настоящего исследования.

Оценка миграционной привлекательности российских регионов для абитуриентов организаций НиСПО осуществлялась на основе данных мониторинга качества подготовки кадров, проводимого Федеральным институтом цифровой трансформации в сфере образования⁵. В анализ были включены данные за 2023–2024 гг. (соответствующие приёму 2022–2023 гг.), поскольку для более ранних периодов необходимая информация в открытом доступе отсутствует. Начиная с 2023 г., для каждого региона мониторинг содержит сведения о численности выпускников 9-х классов, поступивших в текущем году в организации НиСПО, с детализацией по направлениям миграции: поступление в родном регионе, выезд в другие регионы и приток извне. Такая структура данных позволяет оценивать привлекательность региональных систем НиСПО как для внутренних, так и для межрегиональных мигрантов. Следовательно, под мигрантами в статье понимаются в первую очередь межрегиональные мигранты, то есть выпускники 9-х классов, поступающие в организации НиСПО в регионе, отличном от региона получения основного общего образования. Но необходимо помнить, что основная часть выпускников 9-х классов остаётся в родном регионе и переезжает из небольших населённых пунктов в локальные или региональные центры.

В качестве показателей миграционной привлекательности в работе выбраны коэффициенты результативности (КРМ) и эффективности (КЭМ) миграции. Несмотря на то, что данные показатели обладают значительным аналитическим потенциалом, к сожалению, они нечасто встречаются в от-

ечественных исследованиях. Первый показатель — частное от деления числа выбывающих на число прибывающих, умноженное на 1000, хотя в качестве коэффициента также могут выступать 1 и 100. Если значение больше 1000, то регион в ходе миграционного обмена теряет население, а если меньше 1000, то приобретает. Обмен считается результативным, если значение коэффициента меньше 500, то есть на одного выбывшего приходится два прибывших. Второй показатель представляет собой отношение миграционного прироста к миграционному обороту, умноженное на 100. Низкие значения коэффициента означают сбалансированность миграционных потоков и противопотоков, а высокие — высокую эффективность миграции как механизма территориального перераспределения населения. Важным моментом является то, что коэффициент saldo миграции вычисляется с использованием в знаменателе численности населения, поэтому на него влияет предшествующая история демографического развития. КЭМ представляет собой функцию только движения населения за определённый промежуток времени, поэтому он более чувствителен к временным сдвигам и пространственным изменениям схем миграционных потоков.

$$КРМ = \frac{E}{I} \times 1000, \quad (1)$$

$$КЭМ = \frac{I - E}{I + E} \times 100, \quad (2)$$

где E — число выпускников 9-х классов из данного региона, поступивших в организации НиСПО в других регионах, I — число выпускников 9-х классов из других регионов, поступивших в организации НиСПО в данном регионе.

За последнее десятилетие число поступающих в организации НиСПО существенно возросло, что сопровождалось увеличением масштабов образовательной миграции. Так, в 2023 г. 93,2 тыс. человек поступили в учреждения, расположенные вне региона получения основного общего образования (в 2022 г. — 89,6 тыс.). Одновременно число регионов, привлекающих более 1 тыс. образо-

⁵ URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=spo> (дата обращения: 10.07.2025).

вательных мигрантов, возросло с 19 до 20 — два региона вошли в данную группу, один её покинул (рис. 1). Все они представляют собой индустриально развитые территории с численностью населения свыше 1 млн человек; при этом в 14 из них расположены города-миллионники, что повышает их привлекательность с точки зрения накопления символического капитала. Данные регионы аккумулировали 72–74% всех образовательных мигрантов: на Москву приходилось 21–23%, на Санкт-Петербург — 12–13%, оставшиеся 38–39% распределяются между другими регионами. Регионы, привлекающие образовательных мигрантов, в целом равномерно распределены по территории страны. Исключение составляют территории с менее развитой системой НиСПО — регионы Северного Кавказа и Крайнего Севера. В первом случае заметно выделяется Ставропольский край как центр притяжения для абитуриентов из республик Северного Кавказа и даже Краснодарского края. Во втором случае сложно выделить один регион, относящийся к району Крайнего Севера, с большим числом входящих образовательных мигрантов.

В 16–17 регионах (в зависимости от года) число прибывающих образовательных мигрантов не превышало 150 человек, а в 10–11 из них — даже 100, что позволяет отнести их к наименее привлекательным по абсолютным цифрам. Часть этих территорий — удалённые и малонаселённые регионы со сложными природно-климатическими условиями и низким уровнем жизни (Магаданская область, Камчатский край, Республика Ингушетия, Чукотский АО и прочие), где ограниченный приток учащихся объясняется объективными факторами. Однако почти половину данной группы составляют относительно крупные по численности населения регионы (Архангельская, Мурманская области, республики Коми, Чеченская, Саха (Якутия)), играющие заметную роль в экономике страны, но остающиеся непривлекательными для образовательных мигрантов. Это может быть связано со слабым развитием системы НиСПО, географической или социальной периферийностью, а также невысоким уровнем и качеством жизни.

В терминах социального пространства такие регионы можно охарактеризовать как территории с низкой концентрацией символического капитала, обучение в которых не обеспечивает достижение желаемого социального статуса. Показательно, что в Псковской области (575 тыс. жителей) в организации НиСПО поступает около 300 мигрантов из других регионов, что в два раза больше, чем в Архангельской области (990 тыс. жителей); в 2,45 раза больше, чем в Чеченской Республике (1510 тыс. жителей); в 4,65 раз больше по сравнению с Забайкальским краем (985 тыс. жителей); в 5,6 раз больше по сравнению с Республикой Ингушетия (535 тыс. жителей).

Регионы с низкой плотностью символического капитала можно выявить и через анализ их миграционных связей. Данные для такой оценки в мониторинге доступны только за два года, поэтому для уменьшения годовых колебаний использованы усреднённые значения за 2022–2023 годы. Их достаточно, чтобы уловить тенденции, но для получения более надёжных результатов лучше иметь данные не менее чем за пять лет. Подавляющее большинство выпускников девятых классов поступают в организации НиСПО в родном регионе, максимум перемещаясь из сельской местности и малых городов в столицу региона и другие крупные города с более широкими возможностями для получения профессионального образования. Вторым по значимости направлением является миграция в соседние регионы. При таком выборе важную роль играет не только географическая близость, позволяющая сократить транспортные издержки и чаще поддерживать контакты с семьёй, но и социальная близость, формирующаяся за счёт устойчивых межрегиональных связей и общности культурно-исторического развития, что снижает потери социального капитала обучающихся. Если ни собственный, ни соседние регионы не удовлетворяют образовательные запросы абитуриентов и их семей, миграционные потоки направляются в более удалённые территории. В этой связи при оценке миграционной привлекательности важ-

развитой системой НиСПО, что стимулирует отток выпускников 9-х классов за пределы региона.

Противоположную ситуацию демонстрируют регионы-лидеры с наибольшим положительным балансом межрегиональных связей. К ним относятся староосвоенные регионы Центрального и Приволжского ФО. В первую очередь это регионы с городами-миллионниками, однако в целом более высокие значения характерны для регионов с развитым реальным сектором экономики, испытывающих потребность в дополнительной рабочей силе. Вместе с тем межрегиональные связи нередко отличаются

слабым характером (миграционные потоки менее пяти человек). В таких условиях для более корректной оценки миграционной привлекательности целесообразно использовать показатели результативности и эффективности миграции.

При анализе коэффициента результативности миграции с использованием кластеризации (рис. 2) из выборки были исключены выбросы — Забайкальский край и Ненецкий АО, а для 2022 г. дополнительно республики Ингушетия, Чеченская, Саха (Якутия) и Чукотский АО. Республика Тыва также не представлена, так как в оба года в ней отсутствовал входящий миграционный поток.

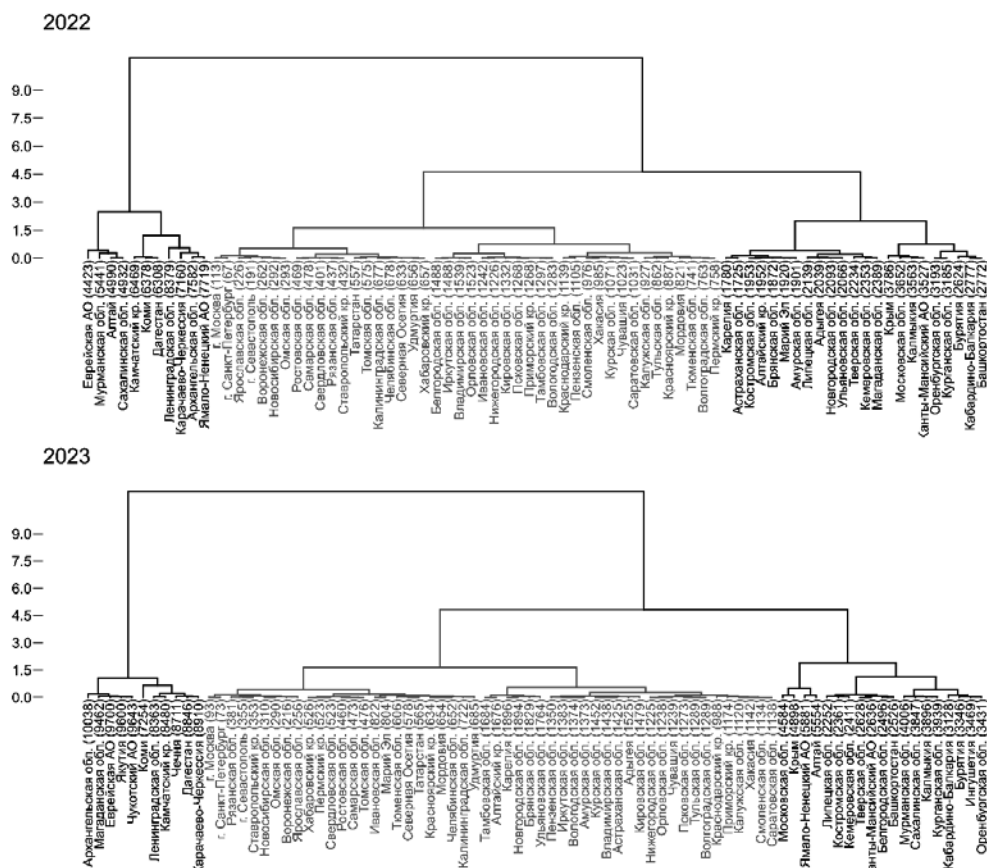

Рис. 2. Кластеризация регионов РФ на основе коэффициента результативности миграции

Fig. 2. Clustering of Russian regions based on the migration succession ratio

Источник: составлено автором на основе мониторинга качества подготовки кадров.

Наиболее низкая результативность миграции характерна для регионов Крайнего Севера и Северного Кавказа, то есть для регионов с малым числом миграционных связей. Они отличаются значительным оттоком молодёжи для получения НиСПО: 6–8 и более выбывших на 1 прибывшего. Так, в Дальневосточном ФО лишь Хабаровский край выступает центром притяжения, однако даже там коэффициент результативности немного превышает 500, что формально не позволяет говорить о высокой результативности миграции. Города федерального значения обладают высокой привлекательностью для получения образования, поэтому их соседние базовые регионы (в первую очередь Ленинградская область) испытывают значительный миграционный отток и образуют отдельную группу территорий с низкой результативностью миграции.

Напротив, регионы с высокой результативностью миграции (значения коэффициента 500 и менее) — преимущественно регионы с более развитой промышленностью, многочисленным населением (хотя этот фактор не является определяющим) и высоким уровнем жизни. С географической точки зрения группа лидеров распределена по территории страны более равномерно, но следует учитывать, что мигранты в Азиатской части страны, особенно на Дальнем Востоке, в значительной степени ориентированы на переезд в Европейскую часть. Наиболее их привлекают Москва, Санкт-Петербург и Краснодарский край, где более высокое качество образования и устойчивый спрос на рабочую силу позволяют удовлетворять высокие требования к доступности и качеству социального капитала. В то же время для ряда территорий существенную роль играет фактор географической близости. Так, Ставропольский край, уступая Краснодарскому краю по ряду параметров, выполняет функцию центра притяжения для Северо-Кавказского ФО и, в отличие от своего соседа не просто имеет положительный миграционный баланс, а входит в первую десятку регионов по результативности миграции.

Миграция в целях получения НиСПО выступает важным инструментом перераспределения населения по территории страны (рис. 3). Более чем треть регионов имеет значения коэффициента эффективности миграции –30 и ниже, что означает сокращение численности населения на 30 и более человек на каждые 100 участников образовательной миграции. Наиболее выраженные отрицательные значения (–70 и ниже) характерны для регионов Севера и Северного Кавказа. Существенные потери выпускников девятых классов фиксируются и в регионах Дальнего Востока. Столь высокая отрицательная эффективность свидетельствует о низкой привлекательности этих территорий для получения НиСПО, что обусловлено несоответствием региональных образовательных систем потребностям населения и экономики, а также низкой концентрацией символического капитала. В результате происходит отток возрастной группы, обладающей наибольшим потенциалом для развития региона.

Группа регионов с положительной эффективностью миграции составляет немногим более четверти от их общего числа. Перечень территорий с высокими значениями показателя (от +35 и выше) во многом совпадает с группой регионов, демонстрирующих высокую результативность миграции. Наиболее заметно выделяются Москва и Санкт-Петербург, значительно опережающие следующую за ними Воронежскую область. Крупные регионы с развитой системой НиСПО и широким спектром образовательных программ создают более благоприятные условия для накопления культурного, а затем и экономического капитала, что делает их привлекательными для молодёжи. В результате образовательная миграция усиливает их конкурентные преимущества и способствует дальнейшему развитию. Одновременно прочие регионы закрепляются в роли доноров образовательных мигрантов, что будет способствовать неравномерной концентрации символического капитала и дальнейшему усилению территориального неравенства.

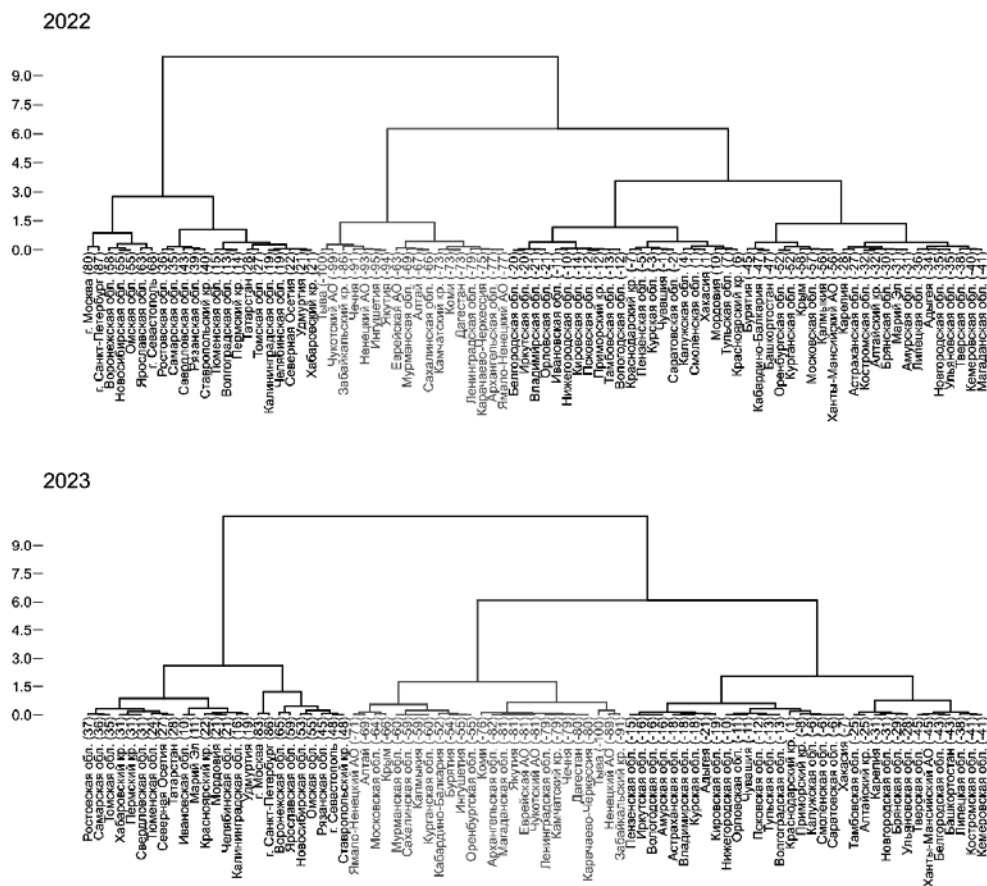

Рис. 3. Кластеризация регионов РФ на основе коэффициента эффективности миграции

Fig. 2. Clustering of Russian regions based on the migration effectiveness ratio

Источник: составлено автором на основе мониторинга качества подготовки кадров.

Заключение

Основной целью исследования является анализ миграции выпускников девяти классов для получения НиСПО. Для её достижения использованы два концептуальных подхода: на теоретическом уровне — концепция символического капитала, на эмпирическом — концепция миграционной привлекательности. В условиях увеличения численности обучающихся в системе НиСПО исследование образовательной миграции для его получения приобретает особую актуальность, тем более что

данный аспект в отечественной литературе освещён недостаточно полно. В работе предложен ранее не использовавшийся подход к изучению такой миграции, основанный на интеграции анализа социального и географического пространств.

Показано, что концепция символического капитала обладает значительным аналитическим потенциалом при исследовании миграционных процессов. Интерпретация миграции как одновременного перемещения в физическом и социальном пространствах позволяет более полно раскрыть её механизмы. При та-

ком подходе миграция рассматривается не просто как смена места проживания, а как форма индивидуальной стратегии, направленной на увеличение объёма и повышение качества символического капитала, вплоть до отказа от его менее ценных компонентов.

Миграционные потоки направлены от территорий с низкой концентрацией символического капитала к территориям с его более высокой плотностью, что приводит к трансформации как физического, так и социального пространства, формируя пространственную структуру страны в соответствии с особенностями его распределения. Для эмпирической проверки данного тезиса использована концепция миграционной привлекательности, позволяющая отразить размещение символического капитала на географической карте. Результаты показывают, что для большинства регионов характерен отрицательный миграционный баланс, что свидетельствует об их низкой привлекательности для получения НиСПО. Наименее привлекательными оказались регионы Крайнего Севера и Северного Кавказа. Положительный эффект от миграционного обмена наблюдается примерно у трети регионов, однако устойчиво привлекательными можно считать лишь 12–17 из них, преимущественно расположенных в Европейской части и обладающих более развитой экономикой и высоким уровнем жизни. Показано, что в случае образовательной миграции с целью получения НиСПО социальная периферия в значительной степени совпадает с географической, а сами миграционные потоки во многом соответствуют модели «западного дрейфа».

Вторая цель исследования, также имеющая прикладное значение, заключалась в анализе различных подходов к оценке миграционной привлекательности регионов России для получения НиСПО. В рамках работы были рассмотрены три показателя: численность поступивших в организации НиСПО из других регионов, а также коэффициенты результативности и эффективности миграции. Сделан вывод

о том, что использование одного показателя не позволяет получить объективную картину. Приоритет, вероятно, стоит отдавать коэффициенту результативности, который имеет чёткий критерий для отнесения миграции к результативной. Коэффициент эффективности миграции дополняет его, позволяя оценить влияние миграции на динамику численности населения. В то же время в ряде случаев значимые выводы могут быть получены уже на основе анализа абсолютных значений входящих и исходящих потоков и структуры межрегиональных связей — например, когда отдельные регионы с крупным населением демонстрируют неожиданно низкую притягательность для образовательных мигрантов.

В работе также подтверждаются известные положения: выраженная территориальная неоднородность системы образования, в том числе НиСПО, и её сравнительно слабое развитие в периферийных регионах России. Эти факторы способствуют оттоку молодёжи из большинства регионов страны и усиливают их зависимость от привлечения внешней рабочей силы. В исследовании данные явления не только зафиксированы, но и получили количественную оценку.

Полное устранение неравенства в доступности НиСПО недостижимо по объективным причинам, тем не менее повышение качества системы НиСПО должно рассматриваться как одно из ключевых направлений политики органов власти любого региона России. В условиях низкой рождаемости и дефицита трудовых ресурсов развитие системы образования (включая систему НиСПО), будет способствовать повышению миграционной привлекательности и обеспечению экономики квалифицированной рабочей силой. Несмотря на необходимость значительных вложений, такие инвестиции оправданы, поскольку направлены на сохранение и развитие человеческого капитала региона.

Литература и Интернет-источники

1. **Бесчасная, А.А.** Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодёжи / А. А. Бесчасная, Н. Н. Покровская // Регионология. — 2018. — Т. 26. — № 4. — С. 742–763. DOI: 10.15507 / 2413-1407.105.026.201804.742-763; EDN: YQJHCX
2. **Синица, А.Л.** К проблеме оценки и повышения эффекта обучения иностранных граждан в российских вузах для экономического развития России и её арктических регионов / А. Л. Синица // Российский экономический журнал. — 2020. — № 3. — С. 101–113. DOI: 10.33983 / 0130-9757-2020-3-101-113; EDN: IWANOX
3. **Трегубова, Н.Д.** Образовательная миграция и этносоциальные конфликты в вузах России, Украины и США / Н. Д. Трегубова, В. С. Стариков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2017. — № 1. — С. 121–139. DOI: 10.14515 / monitoring.2017.1.08; EDN: YORVTT
4. **Погодаев, Н.П.** Осиеви, хамчун руси навин: образовательная миграция из Таджикистана в Россию как ресурс формирования трансграничного общества / Н. П. Погодаев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2018. — № 44. — С. 183–198. DOI: 10.17223 / 1998863X / 44 / 18; EDN: HFPTIE
5. **Бурдые, П.** Начала / П. Бурдые. — Москва : Socio-Logos, 1994. — 288 с. EDN: DHUWGG
6. **Парк, Р.** Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Р. Парк, В. Николаев // Социологическое обозрение. — 2006. — Т. 5. — № 1. — С. 11–18. EDN: JWURMJ
7. **Сорокин, П.** Человек. Цивилизация. Общество. / П. Сорокин. — Москва : Политиздат, 1992. — 548 с. EDN: DLKMYG
8. **Бурдые, П.** Социология социального пространства / П. Бурдые. — Москва : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетей, 2007. — 288 с. EDN: QOECDF
9. **Лапшина, Н.И.** Миграция и маргинальность в контексте социологии социального пространства / Н. И. Лапшина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2010. — № 1. — С. 388–394. EDN: MVUBYL
10. **Веблен, Т.** Теория праздного класса / Т. Веблен. — Москва, 2011. — 368 с. EDN: QOMOIZ
11. **Имангулов, Л.Р.** Миграция молодёжи в горном Левашинском районе Дагестана / Л. Р. Имангулов, Д. А. Корюхин // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2024. — Т. 79. — № 2. — С. 146–153. DOI: 10.55959 / MSU0579-9414.5.79.2.12; EDN: HEVDTD
12. **Ростовская, Т.К.** Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева // Новые исследования Тувы. — 2023. — № 3. — С. 207–219. DOI: 10.25178 / nit.2023.3.13; EDN: OCKNNK
13. **Castells, M.** Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age / M. Castells. — Cambridge : Polity Press, 2015. — 328 p.
14. **Карачурина, Л.Б.** Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России / Л. Б. Карачурина, Ю. Ф. Флоринская // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2019. — № 6. — С. 82–89. EDN: XZQZSR
15. **Мкртчян, Н.В.** Миграция молодежи из малых городов России / Н. В. Мкртчян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2017. — № 1. — С. 225–242. DOI: 10.14515 / monitoring.2017.1.15; EDN: YORVWV
16. **Musolino, D.** New Territorial Attractiveness Index at the International Scale: Design, Application and Patterns in Italy / D. Musolino, K. A. Balazs // The Annals of Regional Science. — 2024. — Vol. 72. — No. 4. — P. 1159–1187. DOI: 10.1007 / s00168-023-01239-w

Сведения об авторе:

Синица Арсений Леонидович, к.э.н, научный сотрудник, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
 Контактная информация: e-mail: sinita@econ.msu.ru; ORCID: 0000-0001-8026-0619; РИНЦ SPIN-код: 9011-5519.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-64-79

EDUCATIONAL MIGRATION AND MIGRATION ATTRACTIVENESS OF THE REGIONS OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF PRIMARY AND SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION)

Arseny L. Sinita

Lomonosov Moscow State University
(1 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991)

E-mail: sinita@econ.msu.ru

Funding:

The study was conducted under the state assignment to Lomonosov Moscow State University.

For citation:

Sinita A.L. Educational migration and migration attractiveness of the regions of Russia (on the example of primary and secondary vocational education). *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 64-79 DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-64-79 (in Russ.)

Abstract. *Spatial inequality is one of the main challenges facing Russian society. That's why an analysis of its causes is an important part of providing information to support the implemented state policies. This article examines inequality through the lens of educational migration among ninth-grade graduates entering the system of primary and secondary vocational education. It has been demonstrated that, in order to understand migration, it is necessary to consider both the physical and social spaces. According to P. Bourdieu, the struggle caused by social stratification is conducted for symbolic capital, the amount of which determines an individual's position in a society. This struggle has the form of movement in the physical space, but it is also accompanied by a movement in the social space. The high concentration of scarce goods in some places contrasts with their low concentration in the others. This creates a desire to improve one's social status through a physical movement. In the course of the study, the concept of symbolic capital was supplemented by the concept of migration attractiveness, which made it possible to compare inflow and outflow migration patterns and assess the contribution of educational migration to population change. The study's data set consisted of data on the monitoring of the quality of workforce training, based on which clusters were formed according to the number of educational migrants entering institutions of primary and secondary vocational education, as well as according to the values of the migration succession and effectiveness ratios. School graduates migrate from the regions with a low density of symbolic capital (mainly the regions of the Far North, the Far East and the North Caucasus, which have very weak economies) to the regions with its high density (mainly the regions of the Central Federal District and the Volga Federal District, which have developed economies). The number of young people leaving the least attractive regions is seven or more times higher than the number of people entering; not more than a fifth of all the regions in Russia receive noticeable benefits from educational migration.*

Keywords: *educational migration, symbolic capital, migration attractiveness, primary and secondary vocational education, regions of Russia.*

References and Internet sources

1. Beschasnaya A.A., Pokrovskaya N.N. Perspektivy razvitiya rossiiskikh gorodov v kontekste obrazovatel'noj migratsii molodozhi [Prospects for the development of Russian cities in the context of the education-related migration of young people]. *Regionologiya [Regionology]*. 2018. Vol. 26. No. 4. P. 742–763. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763 (in Russ.)
2. Sinita A.L. K probleme otsenki i povysheniya efekta obucheniya inostrannykh grazhdan v rossiiskikh vuzakh dlya ekonomicheskogo razvitiya Rossii i yeyo arkticheskikh regionov [On the issue of assessing and increasing the effect of training foreign citizens in Russian universities on the economic development of Russia and its Arctic regions]. *Rossiiskij ekonomicheskij zhurnal [Russian Economic Journal]*. 2020. No. 3. P. 101–113. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-3-101-113 (in Russ.)
3. Tregubova N.D., Starikov V.S. Obrazovatel'naya migratsiya i etnosotsial'nyye konflikty v vuzakh Rossii, Ukrainy i SShA [Education migration and ethno-social conflicts in the academe of Russia, Ukraine and the USA]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2017. No. 1. P. 121–139. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.08 (in Russ.)
4. Pogodaev N.P. Osievi, khamchun rusi navin: obrazovatel'naya migratsia iz Tadzhikistana v Rossiyu kak resurs formirovaniya transgranichnogo obshchestva [New Russian Asians: student migration from Tajikistan to Russia as a basis of a cross-border society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]*. 2018. No. 44. P. 183–198. DOI: 10.17223/1998863X/44/18 (in Russ.)
5. Bourdieu P. Nachala [*Choses Dites*]. Moscow. Socio-Logos. 1994. 288 p. (in Russ.)
6. Park R., Nikolaev V. Gorodskoye soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguratsiya i moral'nyi poriyadok [Urban community as spatial pattern and moral order]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]*. 2006. Vol. 5. No. 1. P. 11–18. (in Russ.)
7. Sorokin P. Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo [*Human. Civilization. Society*]. Moscow: Politizdat. 1992. 548 p. (in Russ.)
8. Bourdieu P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [*Sociology of the Social Space*]. Moscow. Saint Petersburg. Aleteiya [Aletheia]. 2007. 288 p. (in Russ.)
9. Lapshina N.I. Migratsiya i marginal'nost' v kontekste sotsiologii sotsial'nogo prostranstva [Migration and marginality in the sociological context of social space]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. Sociology. Pedagogy]*. 2010. No. 1. P. 388–394. (in Russ.)
10. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [*The Theory of the Leisure Class*]. Moscow. 2011. 368 p. (in Russ.)
11. Imangulov L.R., Koryukhin D.A. Migratsiya molodezhi v gornom Levashinskom raione Dagestana [Youth migration in the montane Levashinsky district of Dagestan]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5, Geografiya [Lomonosov Geography Journal]*. 2024. Vol. 79. No. 2. P. 146–153. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.2.12 (in Russ.)
12. Rostovskaya T.K., Vasilyeva E.N. Vyzovy obrazovatel'noj migratsii molodezhi Tuvy: demograficheskij aspekt [Challenges of educational migration of Tuvan youth: demographic aspect]. *Novyye issledovaniya Tuvy [New Studies of Tuva]*. 2023. No. 3. P. 207–219. DOI: 10.25178/nit.2023.3.13. (in Russ.)
13. Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge. Polity Press. 2015. 328 p.
14. Karachurina L.B., Florinskaya Yu. F. Migratsionnyye namereniya vypusnikov shkol malykh i srednikh gorodov Rossii [Migration intentions of school graduates in small and midsize towns of Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5, Geografiya [Lomonosov Geography Journal]*. 2019. No. 6. P. 82–89. (in Russ.)
15. Mkrtchan N.V. Migratsiya molodezhi iz malykh gorodov Rossii [The youth migration from small towns in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2017. No. 1. P. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15 (in Russ.)

16. Musolino D., Balazs K. A new territorial attractiveness index at the international scale: design, application and patterns in Italy. *The Annals of Regional Science*. 2024. Vol. 72. No. 4. P. 1159–1187. DOI: 10.1007/s00168-023-01239-w

Information about the author:

Sinita Arseny Leonidovich, Candidate of Economics, Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sinita@econ.msu.ru; ORCID: 0000-0001-8026-0619; Elibrary SPIN-code: 9011–5519.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.